

Рождение фукианского метода: эпистемология/феноменология, психология/психиатрия

Ольга Власова

Профессор, кафедра истории философии, Институт философии, Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ). Адрес: 199034, Санкт-Петербург, 199034, Менделеевская линия, 5. E-mail: o.a.vlasova@gmail.com.

Ключевые слова: Мишель Фуко; Морис Мерло-Понти; Жорж Кангилем; Людвиг Бинсвангер; психология; психиатрия; феноменология; эпистемология.

Статья посвящена раннему периоду творчества Мишеля Фуко 1954–1957 годов, к которому относятся работы по психологии, антропологии и психиатрии. Автор показывает, что в текстах этого периода следует искать одновременно истоки, ранний набросок перспективы и первые прикладные пространства фукианского метода. Хотя сам Фуко противопоставлял феноменологию эпистемологии и относил себя к последней, обращение к его раннему творчеству позволяет увидеть парадоксальный синтез феноменологической и эпистемологической оптик. Решающими фигурами влияния здесь оказываются фигуры Жоржа Кангилама, Мориса Мерло-Понти и Людвиг Бинсвангера.

От Кангилама Фуко наследует вектор «от практики к теории», выстраивая историю психологии и психиатрии с опорой на исследование основополагающих оппозиций «норма — патология», «личность — среда», «эволюция — история». Теория Мерло-Понти позволила показать, что онтологическая пер-

спектива психологии и психиатрии не соответствует предмету их исследования — человеку и его опыту. Обращаясь к Бинсвангеру и идее существования, Фуко проблематизирует границы психологии и психиатрии, их дисциплинарную идентичность, формулирует проблему патологии и нормы как ключевую для их идентификации, а также рассматривает психическую болезнь как одну из форм опыта. Так он выходит за границы психологии и психиатрии и развивает свой археологический метод. В работах «Слова и вещи» и «Археология знания» он делает два шага к философии: в первой Фуко отказывается от субъекта, во второй — от континуальности истории. Таким образом, ранний дискурс Фуко можно рассматривать как первый опыт нарушения границ дисциплин и направлений, совмещения перспектив и обращения к основаниям научной практики. В критическом диалоге с собственной мыслью этого периода находит исток формирования Фуко как философа.

КОГДА говорят и пишут о фукианском методе (не реже, чем раньше), обращаются к «каноническому» тексту «Археология знания», если хотят показать его в действии, а также к «Истории безумия», «Рождению клиники», «Истории сексуальности» или же «Надзирать и наказывать». Чтобы показать мысль в развитии, обычно добавляют интервью или лекционные курсы; теперь в ход пойдут и семинары. Описывая динамику, обращаются к «Истории безумия», которая, как считается, показывает мысль Фуко еще «не на полном ходу», в период оформления, или к поздним лекциям, объединенным проблематикой «эстетики существования», где так легко вычитать не только патетику и итги, но и напутствия.

Однако некоторые тексты фукианского корпуса почти всегда стоят особняком. О них если и заводят разговор, то всегда обособленно, относя их к «феноменологическому периоду творчества». Это первая монография «Психическая болезнь и личность», две ранние статьи о психологии, введение к работе Людвиг Бинсвангера «Сон и существование» и, с некоторыми оговорками, введение к «Антропологии с прагматической точки зрения» Иммануила Канта.

В 1990 году Анжела Кремер-Мариетти, редактор спецвыпуска *Revue Internationale de Philosophie*, посвященного Фуко, в своем предисловии называет его первую книгу «Психическая болезнь и личность» той работой, «от которой он достаточно часто открепивался, чтобы совершенно отбить у своего окружения желание ее читать»¹. То же самое можно сказать о других ранних текстах. Ни в 1990 году, ни четвертью века ранее, ни сейчас, четверть века спустя, эти тексты не обрели исследователей, несмотря на переиздание их в *Dits et écrits* и в журнальном формате, несмотря на перевод «Психической болезни...» на английский язык, несмотря на то что тема безумия в творчестве Фуко, пожалуй, наиболее популярна и чрезмерно эксплуатируется. Есть редкие и приятные исключения², но они не составляют исследовательского поля.

Статья подготовлена в рамках проекта по гранту для преподавателей магистратур Стипендиальной программы Благотворительного фонда Владимира Потанина № ГК 170000801.

1. *Kremer-Marietti A. Présentation // Revue Internationale de Philosophie. 1990. Vol. 44. № 173. P. 155.*
2. См., напр.: *Gros F. Foucault et la folie. P.: PUF, 1997; Chebili S. Foucault et la psychologie. P.: L'Hartmattan, 2005* (или недавнее издание с документами

Это забвение выглядит тем более странно на фоне историко-философского тренда «фуковедения» последних лет — сравнения Мишеля Фуко и Эдмунда Гуссерля, разговоров о феноменологии и эпистемологии. На эту тему читают лекции³, это обсуждают на разных языках⁴, выходят даже спецвыпуски журналов⁵, в которых нет ни слова ни о раннем прочтении теории значения Гуссерля во введении к Бинсвангеру, ни о критике феноменологии в комментарии к Канту, не говоря об исследовании сопутствующей проблематики. В лучшем случае лишь краткое признание юношеского увлечения, к счастью благополучно забытого.

Между тем как раз в ранних текстах нужно искать одновременно и истоки, и первый набросок перспективы, и первые прикладные пространства. Они являются и критическим источником фукианской зрелости времен «Слов и вещей» и «Археологии знания», и предтечей поздних духовных поисков заботы-о-себе⁶.

и фотографиями, посвященное поездке Фуко в 1954 году в Мюнстерлинген к психиатру Роланду Куну и тому влиянию, которая поездка оказала на характер фукианской тематизации безумия: Foucault à Münsterlingen. À l'origine de l'Histoire de la folie / J.-F. Bert, E. Basso (éds). P.: Éditions de l'EHESS, 2015).

3. Han B. La priori historique selon Michel Foucault: difficultés archéologiques // Lectures de Michel Foucault. Vol. 2: Foucault et la philosophie. Lyon: ENS Éditions, 2003. P. 23–38.
4. Bolmain Th. Foucault lecteur de Husserl: articular une rencontre // Bulletin d'analyse phénoménologique. 2008. Vol. IV. № 3. P. 202–238; Goris W. Das historische Apriori bei Husserl und Foucault — Zur philosophischen Relevanz eines Leitbegriffs der historischen Epistemologie // Quaestio. 2012. Vol. 12. P. 291–342.
5. В 2016 году мартовский номер *Continental Philosophy Review* был посвящен теме «Исторические априори у Гуссерля и Фуко», среди центральных статей: Aldea A. S., Allen A. History, Critique, and Freedom: The Historical A Priori in Husserl and Foucault // *Continental Philosophy Review*. 2016. Vol. 49. P. 1–11; Moran D. Sinnboden der Geschichte: Foucault and Husserl on the Structural A Priori of History // *Continental Philosophy Review*. 2016. Vol. 49. P. 13–27; Dodd J. Deep History: Reflections on the Archive and the Lifeworld // *Continental Philosophy Review*. 2016. Vol. 49. P. 29–39; Flynn Th. R. Foucault on Experiences and the Historical A Priori: With Husserl in the Rearview Mirror of History // *Continental Philosophy Review*. 2016. Vol. 49. P. 55–65; Carr D. Husserl and Foucault on the Historical Apriori: Teleological and Anti-Teleological Views of History // *Continental Philosophy Review*. 2016. Vol. 49. P. 127–137.
6. Мы уже неоднократно писали об этом, и некоторые ее важные сюжеты были в достаточной мере осмыслены, чтобы не возвращаться к их подробностям. См.: Власова О. А. Ранний Фуко: до «структуры», «археологии» и «власти» // Фуко М. Психическая болезнь и личность / Пер. с фр., предисл. и комм. О. А. Власовой. СПб.: Гуманитарная академия, 2009.

Это то, что в истории другого философа так хотел бы открыть сам Фуко, — как намеренно утаиваемый, но всегда прорывающийся на поверхность исток движения.

Эпистемология и феноменология нормального и патологического

Из одной критической работы в другую кочует противопоставление, повод к которому дал сам Фуко. В своей последней прижизненно разрешенной публикации — пересмотренном введении к «Нормальному и патологическому» Кангилема⁷ — он сталкивает два направления французской философии: философию опыта, значения и субъекта и философию знания, рациональности и понятий. С первой он связывает Жана-Поля Сартра и Мориса Мерло-Понти, со второй — Жана Кавайе, Гастона Башляра, Александра Койре и Жоржа Кангилема⁸. Он уводит истоки противопоставления в XIX век, называя предшественников и предваряющие сюжеты, и, что самое важное, свое собственное движение связывает со вторым направлением мысли.

В статьях по феноменологии⁹ это противопоставление подкрепляет доводы о том, что феноменологический период Фуко совершенно обособлен от зрелого периода. В статьях по эпистемологии¹⁰ афишированная Фуко самоидентификация служит в качестве последнего доказательства его традиционных эпистемологических корней. И в тех и в других предсмертный жест представляется указующим жестом. Однако обращение к раннему творчеству позволяет увидеть, казалось бы, парадоксальный синтез: Фуко совмещает феноменологическую и эпистемологическую оптику. В следующих цитатах видно оформление не только фукианской перспективы, но и фукианского стиля:

С. 5–62; *Она же*. «Антропологический сон» Мишеля Фуко: ранние работы // Фуко М. Ранние работы / Пер. с фр. и предисл. О. А. Власовой. СПб.: Владимир Даль, 2015. С. 3–82.

7. Противопоставление присутствует и в более раннем варианте предисловия, но ссылаться все предпочитают на самую последнюю его работу, видя в ней, очевидно, некое завещание философа.
8. *Foucault M. La vie: l'expérience et la science // Dits et écrits / D. Defert, F. Ewald (dir.). P.: Gallimard, 2001. Т. II: 1976–1988. P. 1582.*
9. См. статьи о Гуссерле и Фуко, указанные ранее.
10. *Thomson K. Historicity and Transcendentality: Foucault, Cavallès, and the Phenomenology of the Concept // History and Theory. 2008. Vol. 47. № 1. P. 1–18; Hyder D. Foucault, Cavallès, and Husserl on the Historical Epistemology of the Sciences // Perspectives on Science. 2003. Vol. 11. № 1. P. 111.*

Для физиологов Второй империи Мажанди, Конт и Клод Бернар — это три Бога (или три дьявола) одной и той же религии¹¹.

Если поведение — это форма, в которой «зрительные содержания» и «тактильные содержания», чувствительность и двигательная функция фигурируют лишь в качестве неразделимых моментов, оно остается недоступным каузальному мышлению, оно может быть схвачено только мышлением иного типа, которое берет свой объект в состоянии зарождения таким, каким он является тому, кто переживает его, окутанным атмосферой смысла, в которую переживающий стремится проскользнуть, чтобы обнаружить за рассеянными фактами и симптомами целостное бытие субъекта, — если речь идет о нормальном человеке, и фундаментальное расстройство — если речь идет о больном¹².

Если зачитать эти фразы тем, кто читал его ранние труды, они, без сомнения, опознают Фуко — и по тематике, и по манере выделения фигур как действующих лиц психологической сцены, и по критическому разоблачению, и (особенно во втором случае) по литературному, а отнюдь не научному стилю. Тем не менее эти выдержки принадлежат его учителям Кангилему и Мерло-Понти, и уже по приведенному материалу видно, что для Фуко — исследователя и писателя — они оба значили очень много.

В предисловии к «Нормальному и патологическому» он откровенничал об университетской французской философии: «Прямо или косвенно, но все эти философы — ну или почти все — учились у Кангилама или читали его»¹³, а Кангилем признавал Фуко величайшим философом эпохи¹⁴, и это закономерно, поскольку тот развил потенции его собственного творчества. Если свои первые шаги будущий историк безумия, сексуальности, преступности делает поступью учителя, то в чем это проявляется?

Кангилем направляет свой взор к практикам исследования в биологии и терапевтическим практикам медицины и стремится

11. *Canguilhem G. The Normal and the Pathological / C. R. Fawcett (trans.). N.Y.: Zone Books, 1991. P. 65.* В настоящей работе мы обращаемся к докторской диссертации Кангилама, защищенной им в 1943 году и впоследствии опубликованной как первая часть «Нормального и патологического».
12. *Мерло-Понти М. Феноменология восприятия / Пер. с фр. под ред. И. С. Вдовиной, С. Л. Фокина. СПб.: Ювента; Наука, 1999. С. 164.*
13. *Foucault M. La vie: l'expérience et la science. P. 1582.*
14. В 1995 году Кангилем пишет: «Для меня 1961 год стал, да и навсегда останется тем годом, когда мы открыли для себя поистине великого философа» (*Canguilhem G. Introduction to Penser la folie: Essais sur Michel Foucault / A. Hobart (trans.) // Critical Inquiry. 1995. Vol. 21. № 2. P. 289.*)

ся вскрыть стоящие за ними теоретические диспозиции. Много позднее, в своем московском докладе, он высказывается:

Никакая практика не в состоянии представить теории ценные данные, которые могут быть теоретически использованными, если теория сама предварительно не открыла и не определила условия значимости этих данных. Другими словами, исследование, использующее практические данные, должно сначала иметь концепцию для того, чтобы направлять практику, а не быть управляемым ею. <...> Никакая практика сама по себе не в состоянии создать теорию ни в биологии, ни в других науках¹⁵.

Обращаясь к наукам о жизни — биологии и медицине, — Кангилем делает предметом разбирательства самое святое этих наук (после самой жизни и смерти) — концепцию нормы и патологии. Основная мишень его критики — сложившееся еще в XIX веке представление о том, что «патологические феномены идентичны соответствующим нормальным феноменам»¹⁶ и образуют единый вектор. Авторитет этого положения и одновременно кощунство замысла Кангилема в том, что продолжающие друг друга понятия «нормальное» и «патологическое» образуют полярность, направляющую два вектора: исследовательский вектор болезни от нормального к патологическому и обратный первому терапевтический вектор. Более того, благодаря оформлению таких отношений, как уверяет нас Кангилем, патологическое утрачивает свое качественное своеобразие и начинает ассоциироваться с количественными изменениями нормальных феноменов.

От Кангилема Фуко наследует направленность разыскания «от практики к теории» и, следовательно, кощунственность взгляда: в своих ранних работах он не просто критикует психологию или психиатрию, не просто выстраивает их историю с опорой на исследование основополагающих понятий, но цепляет именно те понятия, на которых завязана не только концептуальная сетка теории, но и вся практика как практика лечения и исключения или практика исследования. Беспощадность этой критической позиции в том, что основополагающее, незыблемое и формообразующее превращается в историчное, преходящее, зависимое. В ранних работах о психологии в качестве основной критической

15. Кангилем Ж. К истории наук о жизни после Дарвина // Труды XIII Международного конгресса по истории науки. Москва, 18–24 августа 1971 г. М.: Наука, 1971. С. 8.

16. *Canguilhem G. The Normal and the Pathological*. P. 35.

мишени Фуко избирает методологию; в первой книге о психиатрии, следуя Кангилему, — связку «нормальное — патологическое» на уровне личности. Она открывается следующими словами:

По отношению ко всякой психической патологии возникают два вопроса: при каких условиях можно говорить о заболевании в психологической сфере? Какие отношения можно установить между фактами психической и органической патологии?¹⁷

То есть Фуко интересует не только вопрос о том, как мы можем говорить о патологии в пространстве психологического, но и о том, можем ли мы говорить о ней так, как говорил Кангилем, — не в содержании, а в методе.

Кангилем, будучи эпистемологом, вскрывает изменчивость отношений нормального и патологического. Его задача — показать, что привычная для нас связка не исходна для науки: она в определенный момент появилась, закрепились, сейчас расшатывается и когда-нибудь уйдет в прошлое. Фуко возвышает прерывность связки «нормального — патологического», на которую указывает Кангилем, до прерывности истории науки: по его мысли, развитие науки идет теперь посредством не ряда дополнений и расширения теории, а выстраивания новой диспозиции игры истинного и ложного. Наука разворачивается во времени не путем последовательного приближения к истине, но за счет обнаружения и исправления ошибок¹⁸. Впервые он апробирует эту гипотезу по отношению к психологии и психиатрии и в работе «Научное исследование и психология» признает игру заблуждения и демистификации основой развития современной ему психологии в противоположность характерному для наук процессу обнаружения ошибок. Фуко констатирует:

Движение, в котором психологическое исследование обращено к себе самому, не учитывает эпистемологической или исторической функции *научной ошибки*, ибо научной ошибки в психологии не существует, есть лишь *иллюзии*. Роль исследования в психологии заключается поэтому не в том, чтобы преодолеть ошибку, но в том, чтобы преодолеть иллюзию; не двигать науку, вновь

17. Фуко М. Психическая болезнь и личность. С. 65.

18. Foucault M. Introduction / Canguilhem G. The Normal and the Pathological. P. 22. В пересмотренном варианте введения в духе своей поздней мысли Фуко говорит о трансформациях правдивой речи в науке и коллизии признания истины (Foucault M. La vie: l'expérience et la science. P. 1589).

делая ошибку универсальным элементом истины, но изгнать миф, разоблачив его в свете демистифицирующей рефлексии¹⁹.

Кангилем, переходя от фигуры к фигуре, от текста к тексту, мастерски показывает, как формировалась полярность нормального и патологического в треугольнике биологии, медицины и физиологии. Имена Огюста Конта, Клода Бернара и Франсуа Мажанди сменяют друг друга, обрисовывая картину, которую точно так же мог бы нарисовать Фуко, если бы этого до него не сделал Кангилем. Как раз это и парадоксально: сходство двух работ учителя и ученика — в фамилиях, в манере прочтения текстов, в какой-то направленности поиска, когда как бы ищут вслепую, но одновременно точно знают, куда идут.

Прокрутив карусель школ и имен, Кангилем приходит к выводу о том, что в основе болезни не лежат какие-то специфически патологические изменения: мы можем объективно описать симптомы или функции, но квалифицировать их как патологические на основании одних лишь объективных инструментов и критериев нельзя, здесь требуется введение в игру еще одного, аксиологического измерения²⁰. Для него это измерение личности как индивидуальности, уникальным образом выстраивающей отношения со средой. Внутренний и внешний планы, личность как внутренняя индивидуальность и личность как динамическая система отношений со средой будут выведены в качестве основных полярностей и в «Психической болезни и личности» у Фуко.

В своей первой книге Фуко пишет:

Психическая патология должна освободиться от всех постулатов, опирающихся на «метапатологию»: единство, обеспечивающееся единством различных форм болезни, всегда искусственно; только конкретный человек является носителем их фактического единства²¹.

Это тот герой, которому впоследствии будут посвящены «Слова и вещи» и которого он в этой работе умертвит. Однако само место, очевидно, так и остается незаполненным: оно сохранится как поле проблематизации на протяжении всего творчества, но станет ареной борьбы власти, пространством знания, а затем и полем разговора о практиках заботы о себе. Пока же, в ранних работах, акцент

19. *Он же*. Ранние работы. С. 254–255.

20. *Canguilhem G. The Normal and the Pathological*. P. 229.

21. *Фуко М. Психическая болезнь и личность*. С. 87.

на личности уводит поиски от исторического измерения условий связи «нормальное — патологическое» к экзистенциальному измерению: к стоящим за этой связкой формам опыта.

Фуко продолжает мышление Кангилема, расходясь со своим учителем стилистически. Кангилем пишет четко и интересно, ссылаясь на примеры, сталкивая точки зрения, но все же не настолько устремленно, как его ученик. Он идет к своей цели размеренными шажками: предложения несколько формальны и коротки, связи между ними не настолько плавны. Знаменитый фукианский стиль, который часто заражает переводчиков и читателей, — особенно размашистый, особенно динамичный и континуальный в его ранних опытах, — отсылает к Мерло-Понти. Лекции этого молодого, но очень талантливого профессора Коллеж де Франс, тогда уже занимавшего кафедру философии и выпустившего книги о поведении и восприятии, Фуко посещал с первой до последней.

Даже беглый просмотр двух первых книг Мерло-Понти, в особенности его «Феноменологии восприятия», открывает нам очевидное сходство стиля: свободные длинные предложения с несколькими планами сразу, континуальность переходов, словно бы точки призваны соединять, а не разделять, постоянные столкновения сюжетов и перспектив; предельная наполненность, даже переполненность мыслью и предельная интенция (о которой Мерло-Понти так любил писать), спешка разоблачения. Все это Фуко взял от Мерло-Понти, как и стремление разграничить измерения, типичные линии рассмотрения имен. Пантеон физиологии он подсмотрел у Кангилема, но пантеон психологии узнал благодаря Мерло-Понти. В работах Фуко мы видим те же фигуры в качестве мишеней критики и опорных точек движения — Жана Пиаже и гештальтистов, Ивана Павлова и Зигмунда Фрейда, любимого Кангилемом Курта Гольдштейна.

Уже во введении к своей первой книге «Структура поведения» Мерло-Понти акцентирует критический посыл, которым также завершает работу: физиология поведения, феноменология, картезианская философия (две первые при этом в своей похожести базируются на последней) выстраивают такую онтологическую перспективу, которая не может дать доступ к непосредственным феноменам поведения²². (То же самое он покажет в своей второй книге на примере восприятия.) Мы не можем сложить их в подобие внешней целостности, не можем познать как объек-

22. *Merleau-Ponty M. La structure du comportement*. P.: PUF, 2006. P. 1–3, 237–241.

ты внешнего мира, не можем познать посредством разума. Говоря о человеке, его поведении (в «Структуре поведения»), восприятии (в «Феноменологии восприятия»), мы должны использовать другую перспективу, определяемую нашей интенциональностью, структурной связью с миром и специфическим порядком значений.

Этот критический посыл несоответствия онтологической перспективы науки наблюдаемым ею явлениям Фуко развивает по отношению к психологии и психиатрии. На месте треугольника «физиология поведения — феноменология — картезианская философия» Мерло-Понти он ставит треугольник «психиатрия — психология — философия», и в этом нет ничего удивительного: еще Кангилем прямо указывал, что полярность нормального и патологического в психиатрии не может быть понята вне связи «психиатрия — психология — философия», где среднее звено — посредник между крайними звеньями²³.

«Порядок природы», «порядок жизни» и «порядок человека» из «Структуры поведения» Мерло-Понти оборачиваются в «Психической болезни и личности» тремя психологическими измерениями болезни: порядком эволюции, индивидуальной истории и существования. У Мерло-Понти эти три порядка определяют равновесие организма и среды: порядок природы связывает их по принципу «стимул — реакция», порядок жизни — через наделение внешних событий значением, порядок человека обращает перспективу, основываясь на включенном интенциональном существовании. Ключевой момент перехода от животных к человеку — превращение сигнала и стимула в знак, а реакции — в интенциональное поведение. Для Фуко по принципу порядка природы функционирует эволюционная теория психики, развивая гипотезу развития как адаптации; порядок жизни вводит в психологию Фрейд, впервые заговорив о значении событий для индивидуальности и выстроив из этих значений целую историю. Порядок человека, его включенности, устремленности и слияния с миром Фуко определяет как перспективу существования и связывает ее с именами современников — того же Мерло-Понти, Эжена Минковского, Людвиг Бинсвангера и пр.

Мерло-Понти продолжает перспективу Кангилама, признавая (и постоянно ссылаясь на Гольдштейна), что «болезнь... есть особая форма полноценного состояния»²⁴. Для этой формы не-

23. *Canguilhem G. The Normal and the Pathological. P. 115.*

24. *Мерло-Понти М. Указ. соч. С. 148–149.*

обходим принципиально новый подход, избегающий как биологического натурализма, так и философского рационализма, обращающийся к целостной личности, к целостной перспективе ситуации, связности мира и человека. Он характеризует этот возможный анализ как анализ экзистенциальный. Задача раннего Фуко подобна его задаче: он пытается донести до нас, что психическое заболевание тонет под зданиями исследующих его теорий, стремится продемонстрировать, что для анализа личности и ее расстройств необходима другая (онтологическая) перспектива психологии и психиатрии, которую, как и Мерло-Понти, связывает с антропологически ориентированным учением о существовании.

Идентификация психологии и психиатрии: мышление внутри и вовне

Пересечение феноменологии и эпистемологии, которое мы видим в ранних работах Фуко, могло бы оформиться и в рамках французской традиции. Оба его прямых предшественника — Кангилем и Мерло-Понти — подводят анализ нормального и патологического к проблематике существования и многоаспектных отношений человека со средой. Однако для Фуко оказался важным не столько переход к существованию, сколько возможность посредством этого перехода проблематизировать границы психологии и психиатрии, их идентичность как наук, выдвинуть вопрос о патологии и норме в качестве узлового момента этой идентификации, а также обратиться к психической болезни как одной из форм опыта. Такую перспективу дала Фуко немецкая традиция экзистенциально-феноменологической психиатрии.

Первая треть XX века — время очень сложных отношений философии с психологией и психиатрией. Первая откалывается от философии, становясь самостоятельной дисциплиной и следуя сначала за теорией физиологии, а затем за практикой психоанализа и в этих новых одеждах обретая новое лицо. Вторая переживает кризис объяснительных гипотез и, напротив, всячески льнет к философии, вдруг ощутив себя не только медицинской, но и гуманитарной наукой (насколько обе претензии обоснованны, Фуко будет показывать на протяжении всей жизни). «Навязчивое желание» психологии забыть свое происхождение и не менее навязчивая иллюзия психиатрии открыть свои новые истоки акцентируют треугольник «психология — философия — психиатрия».

Во Франции отношения философии с психологией и психиатрией оказываются особенно сложны и амбивалентны²⁵. Психология очень долго не обретает официального признания и вынуждена примыкать то к философии, то к медицине: вряд ли можно встретить психолога (если говорить о специалистах первого эшелона), который не высказался бы по вопросу статуса этой дисциплины²⁶. Фуко, в 1950-е годы служивший этой новорожденной и тогда еще не институализированной науке в Лилле²⁷, — не исключение, а, скорее, правило. Но сам он вступил в это дискуссионное поле с несколько иными целями. Ранние строки о личности и психической болезни, о личности и психологических теориях ценны не только своей антропологической направленностью (сам Фуко вскоре будет отрешиваться от нее), но и оформлением перспективы, одновременно феноменологической и эпистемологической, но схватывающей ядро психологии и психиатрии: через отношение к личности — особенности их идентификации как наук.

Для этого обращения, для дискуссий о психиатрии и психологии важна такая фигура, как Бинсвангер, а за ним и вся традиция экзистенциально-феноменологической психиатрии: Карл Ясперс, а затем и Эжен Минковски, Людвиг Бинсвангер, Эрвин Штраус заговорили о том, что психиатрия как медицинская наука о причинах не может работать с целостным миром психически больного человека, что она закрепощена своими методами и требует для освобождения нового методологического аппарата. Эта традиция вслед за историками (Иоганном Густавом Дройзенем), филологами (Августом Бёком), философами (Вильгельмом Дильтеем) акцентировала важный для гуманитарных наук момент включенности и поставила вопрос о чистоте исследования: если мы говорим о человеке, если имеем дело с мировоззрением человека, сидящего перед нами в психиатрической больни-

25. См.: Carroy J. et al. Histoire de la psychologie en France: XIXe–XXe siècles. P.: La Découverte, 2006; Бен-Дэвид Дж., Коллинз Р. Социальные факторы при возникновении новой науки: случай психологии // Логос. 2002. № 5/6. С. 79–103.
26. См., напр.: Политцер Ж. Основы психологии // Избр. филос. и психол. тр. М.: Прогресс, 1980. С. 219–332 (или: Lagache D. L'esprit de la psychologie contemporaine // L'année psychologique. 1949. Vol. 50. № 1. P. 1–10). Особенно примечательно, что Лагаш издал свою статью в 1949 году — как раз когда его лекции посещал Фуко, а ее рубрикация напоминает мысленные ходы ранних статей Фуко о психологии.
27. Huisman D. Note sur l'article de Michel Foucault // Revue Internationale de Philosophie. 1990. Vol. 44. № 173. P. 177–178.

це или уже ушедшего от нас и раскрывающегося на страницах книги, исследователь всегда захвачен этим взаимодействием настолько, что нужно говорить о «примесях» субъективности или даже о том, что только посредством осознания этой включенности, использования ее как обязательной переменной мы можем вести исследование.

Это устаревшее к тому времени открытие Фуко пытается акцентировать в другой плоскости. Он ставит вопрос не о границах, не о чистоте исследования, не о включенности субъективности, но об идентичности психологии и психиатрии. Он поднимается уровнем выше — от человека-исследователя к науке, определяющей свой собственный предмет, и вопрошает: осознает ли психология как наука и исследование, осознает ли психиатрия как практика попечения — все, что она говорит о человеке и как обращается с ним, зависит во многом от нее самой и от каких-то собственных коллизий ее развития (причем не развития как научного поиска, а развития исходя из противоречий происхождения).

Фуко трансформирует вопрос о границах и методах гуманитарных наук в вопрос об их идентичности и разбирает его на примере самых проблематичных в его время во Франции предметных областей. Указанный смысл метаморфозы вопроса границ в вопрос об идентичности косвенно подтверждает та популярность, которую сам метод Фуко снискал впоследствии у историков, философов, культурологов и филологов: обращаясь к нему, они продвигались все в той же модальности обсуждения границ и методов.

Людвиг Бинсвангер, в гости к которому Фуко ездил, которого увлеченно читал и переводил, в поисках обоснования психиатрии обращается от медицинской объективности к философской достоверности сознания, а затем, переходя от Гуссерля к Хайдеггеру, — к данности *Dasein*. В стремлении объяснить специфику психического заболевания и мировоззрения больного человека он связывает ее с определенным (маниакальным, депрессивным, шизофреническим) модусом бытия-в-мире, который определяется так называемыми экзистенциальными *a priori*. Экзистенциально-априорные структуры — это некие всегда уже данные структуры, проступающие в существовании конкретного больного, которые за его пределами мы увидать попросту не можем. Джекоб Нидлман дает им следующее определение:

Они есть универсалии или формы, которые занимают по отношению к опыту каждого человека такое же положение, какое

кантовские категории рассудка занимают по отношению к объектам, которые мы познаем²⁸.

Так Бинсвангер низводит онтологические категории Хайдеггера к онтике человеческого существования.

В те же годы, когда Фуко увлекается экзистенциально-феноменологической психиатрией, или лишь немногим позже он обращается и к Канту, его лекциям «Антропология с прагматической точки зрения». В предисловии к переведенному им самим на французский язык тексту Канта Фуко акцентирует тот же переход онтологического и антропологического²⁹, а в «Археологии знания» откровенно признается именно в бинсвангерианском характере априоризма. Он, как и Бинсвангер, говорит об *a priori* как об условиях возможности, только для него это условия возможности высказываний, определяющие их форму. Еще более важно, что вслед за Бинсвангером Фуко заговаривает об эмпирически данном характере этих структур и их исторической изменчивости. Он подчеркивает:

A priori не лишено историчности: оно не образует некоей временной структуры, возвышающейся над событиями, словно в неподвижном небе; оно определяется как совокупность правил, характеризующих дискурсивную практику. Однако эти правила не налагаются извне на те элементы, между которыми они устанавливают отношение; они непосредственно вовлечены как раз в то, что они объединяют... они видоизменяют их и преобразуются вместе с ними в некоторые решающие пороги³⁰.

Эту линию Фуко развивает уже во введении к статье Бинсвангера «Сон и существование», которая за счет материала и стиля проблематизации представляет собой словно пра-образ всех его более поздних эпистемологических работ. Обращаясь к метафоре *ἰδίος κόβος*, заимствованной Бинсвангером у Гераклита, Фуко заводит разговор о судьбе и о том, как она является человеку на протяжении

28. Нидлман Дж. Критическое введение в экзистенциальный психоанализ Л. Бинсвангера // Бинсвангер Л. Бытие-в-мире. М.; СПб.: КСП+; Ювента, 1999. С. 32.

29. Foucault M. Introduction à l'anthropologie / Kant I. Anthropologie d'un point de vue pragmatique. P.: Vrin, 2008. P. 11–79.

30. Фуко М. Археология знания / Пер. с фр. М. Б. Раковой, А. Ю. Серебрянниковой. СПб.: Гуманитарная академия, 2004. С. 245.

нии истории, начиная, разумеется, с Греции. Здесь «космогония сновидения есть исток существования как такового»³¹.

Речь идет не просто о Боге или богах, но о фатуме, роке, судьбе, некоей неизбежности и данности, которую человек может лишь прочесть, провидеть и исполнить, но не изменить. Речь идет о двух планах существования, развертывающихся одновременно: плане судьбы и плане человеческой экзистенции. Речь идет о том, что лишь иногда, во сне, точнее, в полудреме, человеку может открыться эта связь, и он словно становится в воротах существования — между планом своей жизни и планом судьбы, прозревая свою участь.

Фуко заключает:

Анализ сновидения не ограничивается уровнем герменевтики символа, но, отталкиваясь от внешней интерпретации, имеющей порядок дешифровки, может без обращения к философии прийти к постижению экзистенциальных структур³².

И так в 1954 году благодаря Бинсвангеру у Фуко складывается специфический взгляд: он словно прозревает, что есть слой априори, структур, которые выражаются в конкретном существовании, но не могут предшествовать ему, поскольку только в нем и раскрываются. В точности как Бинсвангер подчеркивал, что онтологические условия не могут быть отделены от их антропологического выражения и только в нем и существуют, Фуко разворачивает эту мысль в истории. И это основание одновременно его археологии и генеалогии.

Проблему научного статуса психологии Фуко ставит посредством обращения к антропологически-онтологическому повторению, или переходу³³. В своем введении в «Антропологию с прагматической точки зрения» вслед за Кангилемом, который в выступлении «Что такое психология» обозначил вопрос об идентичности и предметной определенности этой науки³⁴, Фуко вопрошает:

... можно ли разработать такую антропологию, которая не обосновывала бы свое содержание и свои законы посредством эмпирического, но посредством рефлексии о человеке обратилась бы

31. *Он же*. Ранние работы. С. 134.

32. Там же. С. 8.

33. В «Словах и вещах» он заговорит об эмпирико-трансцендентальном удвоении, правда, уже в негативном, критическом смысле.

34. Кангилем Ж. Что такое психология? / Пер. с фр. Т. Д. Соколовой // Эпистемология и философия науки. 2012. Т. XXXI. № 1. С. 212–225.

к сущности... Эмпирическое имело бы там значение как пример, не определяя и не подрывая самой формы знания³⁵.

Психология или антропология, по его убеждению, не может конституировать собственную позитивность, то есть служить себе самой обоснованием; она может существовать лишь как повторение онтологии, предполагая некую онтологически укорененную идею о человеке. Всякое психологическое исследование, стало быть, отсылает нас к идее человека, из которой оно себя определяет, а сама идея человека указывает на специфическую концептуальную или историческую (властную) конфигурацию.

Что не менее важно, концептуальные конфигурации ранних работ Фуко отсылают одновременно к сопряженным с ними формам опыта. Опыт, будь то патологический опыт как таковой в его различных формах или опыт личности, представляемый в психологии, является рабочим пространством уже в ранних его текстах. В названии первой монографии «психическая болезнь» не случайно связана с «личностью»: это попытка совместить обращение к самому опыту и исследование обозначающего его понятия, попытка узнать, какую именно констелляцию патологического опыта выводит на свет физиологическое, психоаналитическое, экзистенциальное понятие болезни. Затем, во второй части работы, обращаясь к условиям болезни, Фуко переводит внимание с понятий теорий на понятия исторических периодов. Не случайно в этой работе, точнее, в ее втором исправленном издании он выводит вполне четкую схему генеалогии безумия, которая в «Истории безумия в классическую эпоху» будет уже несколько размыта.

Ранний Фуко во многом предвосхищает свои зрелые открытия, он мыслит археологически и генеалогически, он ищет то же, что будет искать позднее: стоящие за знанием и его развитием диспозиции понятий, типичные мысленные ходы, трансформацию форм опыта в дискурсе и явленность этих трансформаций в практике. Однако его мышление еще в значительной мере ограничено пределами науки: поиски подлинной психологии и психиатрии, которая могла бы дать адекватную картину патологического опыта, как раз и указывают на то, что ранний Фуко еще верит в саму возможность подобного вопрошания, а значит, еще в глубине своей «простодушно честной» души не может расстаться с психологическим мышлением и ищет только в его пределах.

35. *Foucault M.* Introduction à l'anthropologie. P. 68–69.

«Работа над ошибками» первого опыта

В исходном варианте предисловия ко второму тому «Истории сексуальности», связывая исследование сексуальности как опыта со своими более ранними проектами, Фуко отмечает следующее:

Исследование форм опыта... в их истории — это идея, которая восходит к более раннему проекту, где я использовал методы экзистенциального анализа в области психиатрии и «психического заболевания». По двум независимым причинам я так и остался не удовлетворен этим проектом: в силу его теоретической слабости в плане проработки понятия опыта и в силу противоречивого отношения с психиатрической практикой, когда она и игнорировалась, и считалась чем-то само собой разумеющимся одновременно. С первой проблемой можно бы было справиться, обратившись к общей теории человеческого бытия, а ко второй можно бы было подойти по-другому, развернув ее «в экономическом и социальном контексте»; так можно бы было выйти на дилемму философской антропологии и социальной истории. Но меня интересовало не обыгрывание этой альтернативы, а возможность осмыслить саму историчность форм опыта. Это привело к двум отрицательным задачам: во-первых, к «номиналистской» редукции философской антропологии и тех понятий, которыми она оперирует, а во-вторых, к перемещению в область концептов и методов истории обществ³⁶.

Хьюберт Дрейфус расценивает «Психическую болезнь и личность» как своеобразное совмещение хайдеггерианской экзистенциальной антропологии и марксистской социальной истории и при этом подчеркивает, что оба издания этой книги показывают «важные для него области интереса, а также средства и цели, которые Фуко сохранит на протяжении всей жизни»³⁷. Эту позицию поддерживает Тодд Мэй, отмечая, что Фуко порывает с феноменологией как методом и определенной проблемной областью, но на протяжении всей жизни сохраняет исходный посыл или дух феноменологического проекта³⁸.

36. *Foucault M.* Preface to *The History of Sexuality*, Vol. II / W. Smock (trans.) // *The Foucault Reader* / P. Rabinow (ed.). N.Y.: Pantheon Books, 1984. P. 334.

37. *Dreyfus H.* Foreword to the California Edition // *Foucault M.* *Mental Illness and Psychology* / A. Sheridan (trans.). Berkeley: University of California Press, 1987. P. viii.

38. *May T.* *Foucault's Relation to Phenomenology* // *The Cambridge Companion to Foucault* / G. Gutting (ed.). Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2005. P. 285.

Гений Фуко зреет в лоне психологии. Следуя за Кангилемом и эпистемологией, Фуко заводит научный разговор о психологии как науке, обращается к основаниям, к противоречиям, предлагает ей отказаться от пути «разоблачения иллюзии» и встать на путь «исправления ошибок», выйти из порочного круга. В ранней энциклопедической статье он подчеркивает:

Проблема современной психологии — и для нее это проблема жизни и смерти — состоит в том, чтобы узнать, в какой мере она действительно сможет овладеть теми противоречиями, что ее породили... Тогда психология была бы возможна лишь как анализ условий существования человека и оживление наиболее человеческого в человеке, то есть его истории³⁹.

Психология должна, по его мысли, не ориентироваться на идеал объективности естественных наук, но обратиться к собственному измерению объективности — измерению онтологически укорененной антропологии. Поэтому для Фуко его ранних лет эпистемологический путь к основаниям есть одновременно и феноменологический путь к подлинной идее человека и онтологии человеческого: феноменологический в том смысле, который придавала этому методу и пространству поиска экзистенциально-феноменологическая психиатрия.

Однако очень скоро, уже во второй половине 1950-х годов, Фуко выходит воня психологии, он начинает мыслить поверх нее, и опыт мышления на границе, «поверх» — первый для него опыт археологического мышления. Его начатки видны в психологических и психиатрических работах, половина вопросов которых так и остается без ответа, особенно вопросы об изначальном выборе психологией собственной идентификации. И не случайно, что переживание чуждости опыта и чуждости вопрошания становится сквозным сюжетом последней по времени психологической статьи «Научное исследование и психология».

Нельзя сказать, что, выходя воня психологии, Фуко отбрасывает феноменологию и обретает эпистемологическое мышление. Если бы это было действительно так, то в последние годы мы не видели бы череды статей, авторы которых пытаются навести мосты между характером вопрошания об истории позднего Гуссерля и зрелого Фуко, преимущественно времен «Археологии знания». Фуко не обретает эпистемологии на рубеже отказа от психологии и антропологии, он с самого начала, — как сказал бы он

39. Фуко М. Ранние работы. С. 200, 230.

сам, «на пороге храма» — мыслит вслед за Кангилемом эпистемологически. Однако обращение к основаниям перестает иметь для него феноменологический характер.

Мышление раннего Фуко покоится на феноменологической данности. Его интерес — опыт, личность, психологическое изменение, и он действительно убежден, что в исследовании психологического нам открывается онтологическое. Подлинная психология (и слово «подлинный», как ни удивительно, звучит из его собственных уст) есть психология данности подлинного. Рождение Фуко как философа связано с развитием критицизма по отношению к этой схеме. Две работы, «Слова и вещи» и «Археология знания», считающиеся текстами, в которых формируется зрелый Фуко, являются одновременно теми, где он открыто полемизирует и с самим собой, делая два решительных шага от себя раннего к себе зрелому: в первой он отказывается от субъекта, а во второй от континуальности истории.

Освобождение от субъекта, лейтмотив «Слов и вещей», есть уход Фуко от личности как постоянства внутренних мотивов, континуальности существования и устойчивости отношений со средой. Сначала, в ранних работах, он призывает обратиться к человеку, от страницы к странице настаивая: «Человеческое бытие (*Menschsein*) в конечном счете есть лишь фактическое и конкретное содержание того, что онтология анализирует как трансцендентальную структуру *Dasein*, присутствия в мире»⁴⁰. Затем столь же истово призывает от него отказаться и очнуться от антропологического сна:

Человек, как без труда показывает археология нашей мысли, — это изобретение недавнее. И конец его может быть недалек. ... Человек исчезнет, как исчезает лицо, начертанное на прибрежном песке⁴¹.

За отказом от субъекта следует «отвержение трансцендентальности дискурса». В этом акте Фуко, по собственному признанию, пытается избавиться от «последних антропологических зависимостей» и совершить «эпистемологическую мутацию истории».

40. Там же. С. 85.

41. *Он же*. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / Пер. с фр. В. П. Визгина, Н. С. Автономовой. М.: А-сад, 1994. С. 404. В предисловии к ранним работам Фуко мы уже подробно воссоздали внутреннюю полемику о субъекте времен введения к «Антропологии с прагматической точкой зрения» Канта и «Слов и вещей».

История перестает быть некоей трансцендентальной данностью, дающей онтологическую укорененность, и становится историей разрывов. На протяжении всей «Археологии знания» Фуко акцентирует де-онтологизирующий посыл:

В целом представляется, что история мысли, познаний, философии, литературы умножает число разрывов и выискивает трудности, порождаемые прерывностью, тогда как то, что, собственно, и называется историей, — просто история, — как кажется, сглаживает вторжение событий ради сохранения разнообразных нелабильных структур⁴².

В свете произошедшей перемены как нельзя кстати оказывается специфически бинсвангеров априоризм, и не случайно именно в «Археологии знания» Фуко впервые последовательно говорит об исторических *a priori*, определяя их отличие от традиционных формальных *a priori* феноменологии, подчеркивая, что первое нельзя охарактеризовать как «некую величественную фигуру, неподвижную и пустую» или как «некое синкопированное трансцендентальное, как мерцание сменяющих друг друга форм»⁴³. Эмпирический характер априоризма создает возможность археологического проекта.

Фуко здесь прекрасно сознает, что он отказывается от своих ранних идеалов, открыто признаваясь:

Там, где речь идет об определении того метода исторического анализа, который был бы освобожден от антропологической темы, мы видим, что возникающая теперь теория оказывается в двойственном положении по отношению к уже выполненным исследованиям. <...> Основа, на которой она покоится, — это основа, которую она же и открыла. Исследования безумия и появления психологии, исследования болезни и рождения клинической медицины, исследования биологии, языка, экономики были попытками, частично предпринятыми вслепую; но постепенно они прояснились, и не только потому, что понемногу уточняли свой метод, но и потому, что в этом споре о гуманизме и антропологии они определяли место своей исторической возможности⁴⁴.

Не желая прикрываться иллюзией преимущества поисков, в «Археологии знания» Фуко признается, что в сопоставлении

42. Он же. Археология знания. С. 40.

43. Там же. С. 246.

44. Там же. С. 58.

с «Историей безумия», «Рождением клиники» и «Словами и вещами» в ней «содержится также немало исправлений и внутренней критики»⁴⁵. Он пересматривает свои идеи, открыто признает ошибки и вскрывает противоречия собственного проекта: делает то, чего десять — пятнадцать лет назад требовал от психологии.

В речах, статьях и книгах о фукианском методе, фукианской перспективе чаще всего признают, что более или менее четко описать фукианский почерк невозможно: часто менялись чернила, слишком разной была поверхность бумаги, а буквы выводились то с завитками, то угловато, то отделяясь друг от друга, то сливаясь. «Не спрашивайте меня, кто я, и не требуйте, чтобы я оставался одним и тем же...»⁴⁶ — говорит сам Фуко.

Преимственность его проекта — в различии, основание его метода — в диалектике разоблачения противоречий, а его сцена — мы сами и сам он (Фуко). Программное описание метода можно найти все в той же «Археологии знания»:

Описание архива... отрывает нас от наших непрерывностей; оно распыляет ту временную тождественность, в которой мы любим разглядывать самих себя, чтобы предотвращать разрывы истории; оно рвет нить трансцендентальных телеологий... Так понимаемая диагностика (*le diagnostic*) не устанавливает факта нашей тождественности через механизм различий. Она устанавливает, что сами мы — это различие, что наш разум — это различие дискурсов, наша история — различие времен, а наше я — различие масок. Она устанавливает, что различие является не забытым и скрытым первоисточком, а тем рассеиванием, которое мы собой представляем и которое сами создаем⁴⁷.

Психиатрия и психология дают Фуко то, что с подачи Карла Ясперса можно бы было назвать «ситуацией», — они служат конкретным полем, в котором можно успешно преодолеть границы направлений, национальных школ и дисциплин и где-то «между», в зазорах найти почву для мысли. Они дали Фуко «различие» нормального и патологического, личностного и исторического, научного и ненаучного, ошибки и иллюзии и, вполне может стать, побудили к непрекращающейся работе, беспокойству разоблачения ошибок и вскрытия противоречий, к неутрачивающей заботе-о-себе.

45. Там же.

46. Там же. С. 60.

47. Там же. С. 251–252. Перевод изменен. — О. В.

Библиография

- Бен-Дэвид Дж., Коллинз Р. Социальные факторы при возникновении новой науки: случай психологии // Логос. 2002. № 5/6. С. 79–103.
- Власова О. А. «Антропологический сон» Мишеля Фуко: ранние работы // Фуко М. Ранние работы. СПб.: Владимир Даль, 2015. С. 3–82.
- Власова О. А. Ранний Фуко: до «структуры», «археологии» и «власти» // Фуко М. Психическая болезнь и личность. СПб.: Гуманитарная академия, 2009. С. 5–62.
- Кангилям Ж. К истории наук о жизни после Дарвина // Труды XIII Международного конгресса по истории науки. Москва, 18–24 августа 1971 г. М.: Наука, 1971.
- Кангилям Ж. Что такое психология? // Эпистемология и философия науки. 2012. Т. XXXI. № 1. С. 212–225.
- Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. СПб.: Ювента; Наука, 1999.
- Нидлман Дж. Критическое введение в экзистенциальный психоанализ Л. Бинсвангера // Бинсвангер Л. Бытие-в-мире. М.; СПб.: КСП+; Ювента, 1999.
- Политцер Ж. Основы психологии // Избр. филос. и психол. тр. М.: Прогресс, 1980. С. 219–332.
- Фуко М. Археология знания. СПб.: Гуманитарная академия, 2004.
- Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М.: А-сэд, 1994.
- Aldea A. S., Allen A. History, Critique, and Freedom: The Historical A Priori in Husserl and Foucault // Continental Philosophy Review. 2016. Vol. 49. P. 1–11.
- Bolmain Th. Foucault lecteur de Husserl: articuler une rencontre // Bulletin d'analyse phénoménologique. 2008. Vol. IV. № 3. P. 202–238.
- Canguilhem G. Introduction to Penser la folie: Essais sur Michel Foucault / A. Hobart (trans.) // Critical Inquiry. 1995. Vol. 21. № 2. P. 287–289.
- Canguilhem G. The Normal and the Pathological / C. R. Fawcett (trans.). N.Y.: Zone Books, 1991.
- Carr D. Husserl and Foucault on the Historical Apriori: Teleological and Anti-Teleological Views of History // Continental Philosophy Review. 2016. Vol. 49. P. 127–137.
- Carroy J., Ohayon A., Plas R. Histoire de la psychologie en France: XIXe–XXe siècles. P.: La Découverte, 2006.
- Chebili S. Foucault et la psychologie. P.: L'Harmattan, 2005.
- Dodd J. Deep History: Reflections on the Archive and the Lifeworld // Continental Philosophy Review. 2016. Vol. 49. P. 29–39.
- Dreyfus H. Foreword to the California Edition // Foucault M. Mental Illness and Psychology / A. Sheridan (trans.). Berkeley: University of California Press, 1987. P. vii–xliii.
- Flynn Th. R. Foucault on Experiences and the Historical A Priori: With Husserl in the Rearview Mirror of History // Continental Philosophy Review. 2016. Vol. 49. P. 55–65.
- Foucault à Münsterlingen. À l'origine de l'Histoire de la folie / J.-F. Bert, E. Basso (éds). P.: Éditions de l'EHESS, 2015.
- Foucault M. Introduction / Canguilhem G. The Normal and the Pathological / C. R. Fawcett (trans.). N.Y.: Zone Books, 1991. P. 7–24.
- Foucault M. Introduction à l'anthropologie / Kant I. Anthropologie d'un point de vue pragmatique. P.: Vrin, 2008. P. 11–79.

- Foucault M. La vie: l'expérience et la science // Dits et écrits / D. Defert, F. Ewald (dir.). P.: Gallimard, 2001. T. II: 1976–1988. P. 763–776.
- Foucault M. Preface to *The History of Sexuality*, Vol. II / W. Smock (trans.) // *The Foucault Reader* / P. Rabinow (ed.). N.Y.: Pantheon Books, 1984. P. 333–339.
- Goris W. Das historische Apriori bei Husserl und Foucault — Zur philosophischen Relevanz eines Leitbegriffs der historischen Epistemologie // *Quaestio*. 2012. Vol. 12. P. 291–342.
- Gros F. Foucault et la folie. P.: PUF, 1997.
- Han B. L'a priori historique selon Michel Foucault: difficultés archéologiques // *Lectures de Michel Foucault. Vol. 2: Foucault et la philosophie*. Lyon: ENS Éditions, 2003. P. 23–38.
- Huisman D. Note sur l'article de Michel Foucault // *Revue Internationale de Philosophie*. 1990. Vol. 44. № 173. P. 177–178.
- Hyder D. Foucault, Cavailles, and Husserl on the Historical Epistemology of the Sciences // *Perspectives on Science*. 2003. Vol. 11. № 1. P. 107–129.
- Kremer-Marietti A. Présentation // *Revue Internationale de Philosophie*. 1990. Vol. 44. № 173.
- Lagache D. L'esprit de la psychologie contemporaine // *L'année psychologique*. 1949. Vol. 50. № 1. P. 1–10.
- May T. Foucault's Relation to Phenomenology // *The Cambridge Companion to Foucault* / G. Gutting (ed.). Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2005. P. 284–312.
- Merleau-Ponty M. La structure du comportement. P.: PUF, 2006.
- Moran D. Sinnboden der Geschichte: Foucault and Husserl on the Structural A Priori of History // *Continental Philosophy Review*. 2016. Vol. 49. P. 13–27.
- Thomson K. Historicity and Transcendentality: Foucault, Cavailles, and the Phenomenology of the Concept // *History and Theory*. 2008. Vol. 47. № 1. P. 1–18.

THE BIRTH OF FOUCAULT'S METHOD: EPISTEMOLOGY/
PHENOMENOLOGY, PSYCHOLOGY/PSYCHIATRY

OLGA VLASOVA. Professor, Department of the History of Philosophy, Institute of Philosophy, o.a.vlasova@gmail.com.
Saint Petersburg State University (SPbU), 5 Mendeleevskaya ln, 199034 St. Petersburg, Russia.

Keywords: Michel Foucault; Maurice Merleau-Ponty; Georges Canguilhem; Ludwig Binswanger; psychology; psychiatry; phenomenology; epistemology.

This paper analyzes Foucault's early thinking (from 1954 to 1957) as it bears on psychology, anthropology and psychiatry. The author maintains that Foucault's texts from that period can be mined for the origins of the Foucault methodology, early indications of its scope, and its first applications. Although Foucault opposed a phenomenology of epistemology and allied himself with the latter, a close reading of his early work reveals a paradoxical synthesis of phenomenological and epistemological views. The influences of Georges Canguilhem, Maurice Merleau-Ponty, and Ludwig Binswanger were decisive here.

Foucault adopted the "practice-to-theory" vector from Canguilhem and grounded the history of psychology and psychiatry on the study of essential oppositions: normal — pathological, personality — environment, evolution — history. Merleau-Ponty's theory allowed him to demonstrate that the ontological perspective of psychology and psychiatry does not match the subject of their research, which is the person and their experience. Foucault's application of Binswanger and the idea of existence is to problematize the boundaries between psychology and psychiatry and their identity as sciences while formulating the problem of pathology and normality as crucial to their identification. He also considers mental illness as one of the forms of experience. Foucault thus goes beyond the boundaries of psychology and psychiatry to develop his archaeological method. In *The Order of Things* and *The Archaeology of Knowledge* he makes two philosophical maneuvers: in the first, he rejects the subject; in the second he abandons the continuity of history. Foucault's early psychological and psychiatric discourse is then the first harbinger of his trespassing the boundaries of disciplines and schools, combining perspectives, and scrutinizing the foundations of scientific practice. A critical dialogue with his own earlier thought is the source of Foucault's birth as a philosopher.

DOI: 10.22394/0869-5377-2019-2-25-47

References

- Aldea A. S., Allen A. History, Critique, and Freedom: The Historical A Priori in Husserl and Foucault. *Continental Philosophy Review*, 2016, vol. 49, pp. 1–11.
- Ben-David J., Collins R. Sotsial'nye faktory pri vozniknovenii novoi nauki: sluchai psikhologii [Social Factors in the Origins of a New Science: The Case of Psychology]. *Logos. Filosofsko-literaturnyi zhurnal* [Logos. Philosophical and Literary Journal], 2002, no. 5/6, pp. 79–103.
- Bolmain Th. Foucault lecteur de Husserl: articular une rencontre. *Bulletin d'analyse phénoménologique*, 2008, vol. IV, no. 3, pp. 202–238.
- Canguilhem G. Chto takoe psikhologiya? [Qu'est-ce que la psychologie?]. *Epistemologiya i filosofiya nauki* [Epistemology and Philosophy of Science], 2012, vol. XXXI, no. 1, pp. 212–225.

- Canguilhem G. Introduction to *Penser la folie: Essais sur Michel Foucault*. *Critical Inquiry*, 1995, vol. 21, no. 2, pp. 287–289.
- Canguilhem G. K istorii nauk o zhizni posle Darvina [Sur l'histoire des sciences de la vie depuis Darwin]. *Trudy XIII Mezhdunarodnogo kongressa po istorii nauki. Moskva, 18–24 avgusta 1971 g.* [Proceedings of XIII International Congress on the History of Science. Moscow, August 18–24, 1971], Moscow, Nauka, 1971.
- Canguilhem G. *The Normal and the Pathological*, New York, Zone Books, 1991.
- Carr D. Husserl and Foucault on the Historical Apriori: Teleological and Anti-Teleological Views of History. *Continental Philosophy Review*, 2016, vol. 49, pp. 127–137.
- Carroy J., Ohayon A., Plas R. *Histoire de la psychologie en France: XIXe–XXe siècles*, Paris, La Découverte, 2006.
- Chebili S. *Foucault et la psychologie*, Paris, L'Harmattan, 2005.
- Dodd J. Deep History: Reflections on the Archive and the Lifeworld. *Continental Philosophy Review*, 2016, vol. 49, pp. 29–39.
- Dreyfus H. Foreword to the California Edition. In: Foucault M. *Mental Illness and Psychology*, Berkeley, University of California Press, 1987, pp. vii–xliii.
- Flynn Th. R. Foucault on Experiences and the Historical A Priori: With Husserl in the Rearview Mirror of History. *Continental Philosophy Review*, 2016, vol. 49, pp. 55–65.
- Foucault à Münsterlingen. À l'origine de l'Histoire de la folie* (éds J.-F. Bert, E. Basso), Paris, Éditions de l'EHESS, 2015.
- Foucault M. *Arkheologiia znaniia* [L'Archéologie du savoir], Saint Petersburg, Gumanitarnaia akademiia, 2004.
- Foucault M. Introduction à l'anthropologie. In: Kant I. *Anthropologie d'un point de vue pragmatique*, Paris, Vrin, 2008, pp. 11–79.
- Foucault M. Introduction. In: Canguilhem G. *The Normal and the Pathological*, New York, Zone Books, 1991, pp. 7–24.
- Foucault M. La vie: l'expérience et la science. *Dits et écrits* (dir. D. Defert, F. Ewald), Paris, Gallimard, 2001, vol. II: 1976–1988, pp. 763–776.
- Foucault M. Preface to The History of Sexuality, Vol. II. *The Foucault Reader* (ed. P. Rabinow), New York, Pantheon Books, 1984, pp. 333–339.
- Foucault M. *Slova i veshchi. Arkheologiia gumanitarnykh nauk* [Les mots et les choses. Une archéologie des sciences humaines], Saint Petersburg, A-cad, 1994.
- Goris W. Das historische Apriori bei Husserl und Foucault — Zur philosophischen Relevanz eines Leitbegriffs der historischen Epistemologie. *Quaestio*, 2012, vol. 12, pp. 291–342.
- Gros F. *Foucault et la folie*, Paris, PUF, 1997.
- Han B. La priori historique selon Michel Foucault: difficultés archéologiques. *Lectures de Michel Foucault, vol. 2: Foucault et la philosophie*, Lyon, ENS Éditions, 2003, pp. 23–38.
- Huisman D. Note sur l'article de Michel Foucault. *Revue Internationale de Philosophie*, 1990, vol. 44, no. 173, pp. 177–178.
- Hyder D. Foucault, Cavallès, and Husserl on the Historical Epistemology of the Sciences. *Perspectives on Science*, 2003, vol. 11, no. 1, pp. 107–129.
- Kremer-Marietti A. Présentation. *Revue Internationale de Philosophie*, 1990, vol. 44, no. 173.
- Lagache D. L'esprit de la psychologie contemporaine. *L'année psychologique*, 1949, vol. 50, no. 1, pp. 1–10.

- May T. Foucault's Relation to Phenomenology. *The Cambridge Companion to Foucault* (ed. G. Gutting), Cambridge, UK, Cambridge University Press, 2005, pp. 284–312.
- Merleau-Ponty M. *Fenomenologija vospriiatia* [La Phénoménologie de la Perception], Saint Petersburg, Iuventa, Nauka, 1999.
- Merleau-Ponty M. *La structure du comportement*, Paris, PUF, 2006.
- Moran D. Sinnboden der Geschichte: Foucault and Husserl on the Structural A Priori of History. *Continental Philosophy Review*, 2016, vol. 49, pp. 13–27.
- Needleman J. Kriticheskoe vvedenie v ekzistentsial'nyi psikhoanaliz L. Binsvanger [Critical Introduction to the Existential Psychoanalysis of L. Binswanger]. In: Binswanger L. *Bytie-v-mire* [Being-in-the-World], Moscow, Saint Petersburg, KSP+, Iuventa, 1999.
- Politzer G. Osnovy psikhologii [Les Fondements de la Psychologie]. *Izbrannye filosofskie i psikhologicheskie trudy* [Selected Philosophical and Psychological Works], Moscow, Progress, 1980, pp. 219–332.
- Thomson K. Historicity and Transcendentality: Foucault, Cavailles, and the Phenomenology of the Concept. *History and Theory*, 2008, vol. 47, no. 1, pp. 1–18.
- Vlasova O. A. "Antropologicheskii son" Mishelia Fuko: rannie raboty [Michel Foucault's "Anthropological Dream": Early Works]. In: Foucault M. *Rannie raboty* [Early Works], Saint Petersburg, Vladimir Dal', 2015, pp. 3–82.
- Vlasova O. A. Rannii Fuko: do "strukturny", "arkheologii" i "vlasti" [Early Foucault: Before "Structure", "Archeology", and "Power"]. In: Foucault M. *Psikhicheskaja bolezn' i lichnost'* [Maladie mentale et psychologie], Saint Petersburg, Gumanitarnaia akademiia, 2009, pp. 5–62.